Сочинение, ю
X
БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.
„Пров 38"
450
32

Первые земскіе соборы и ихъ происхожденіе.

I.

Центральное явленіе въ области русской политической исторіи XVI и XVII столѣтій — это ростъ царской власти, превращающій скромнаго князя вотчинника въ неограниченнаго властелина всея Руси.

Подъ какимъ бы вліяніемъ ни совершилось это постепенное превращеніе, исходило ли оно изъ византійскихъ традицій, привитыхъ Москвѣ греческой царевной, волей судебъ раздѣлившей престолъ съ Иваномъ III, было ли оно результатомъ новыхъ идей, принесенныхъ юго-славянами послѣ крушенія ихъ политическихъ идеаловъ на родинѣ, или, наконецъ, плодомъ реальныхъ измѣненій въ исторической жизни молодого Московскаго государства, это не важно; во всякомъ случаѣ оно уже рѣзко замѣтно въ исторіи послѣднихъ собирателей сѣверо-восточной Руси, Ивана III и Василія. Внутренняя политическая исторія Москвы при этихъ государяхъ, и еще болѣе при ихъ Грозномъ преемникѣ, сводится къ борьбѣ, сначала глухой, потомъ открытой и ожесточенной, между новыми правительственными привычками и старымъ обычаемъ, хранителемъ котораго долго остается боярская дума. Побѣда остается на сторонѣ новыхъ порядковъ. Среди старыхъ устоевъ Московскаго государства, поколебленныхъ смутой, снесено было потокомъ событій и старое боярство, придававшее думѣ политическое значеніе, а порой и дѣйствительную власть. Оно истратило свои силы въ переворотахъ и заговорахъ смуты, померкло, сошло съ арены борьбы, предоставивъ свое мѣсто менѣе родовитымъ и менѣе притязательнымъ дѣятелямъ. Но царская власть вышла изъ смуты обновленная и укрѣпленная. Если даже придавать вѣру смутнымъ извѣстіямъ объ ограниченіи власти избраннаго царя Михаила, сохранившимся у Котошихина и въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ сказаніяхъ иностранцевъ, то во всякомъ случаѣ

это явленіе надо признать мимолетнымъ, быстро и безслѣдно исчезнувшимъ изъ русскаго правительственнаго строя.

XVII вѣкъ — эпоха полнаго расцвѣта неограниченной власти русскихъ государей, когда она почти вовсе не встрѣчаетъ себѣ оппозиціи. Да откуда можетъ возникнуть какая-либо оппозиція? Всѣ классы общества послушно принимаютъ на себя налагаемыя правительствомъ обязанности, безропотно несутъ все новыя и новыя повинности, не думая ни о какихъ правахъ, имъ принадлежащихъ. Для этого приходится ждать XVIII столѣтія, когда подъ ближайшимъ вліяніемъ западной политической мысли придутъ на Русь представленія о политическихъ правахъ подданныхъ вмѣстѣ съ попытками ихъ осуществленія.

Земскіе соборы возникаютъ и расцвѣтаютъ именно въ эту эпоху постепеннаго роста неограниченной царской власти. Они появляются какъ-то неожиданно, хотя и при торжественной обстановкѣ, въ началѣ бурнаго правленія царя Ивана; развиваются и получаютъ серьезное политическое значеніе послѣ прекращенія старой династіи, когда нѣсколько разъ подъ рядъ земля призывается избрать государя на осиротѣлый престолъ. Въ продолженіе почти всего царствованія Михаила соборы несутъ на себѣ всю работу обновленія и устроенія земли. Земскіе соборы—еще полное жизни учрежденіе въ первые годы царя Алексѣя Михайловича: имъ принадлежитъ обработка самаго богатаго памятника русскаго права и рѣшеніе вопроса объ отношеніяхъ къ Малороссіи. Позднѣе, къ концу вѣка, наступаетъ упадокъ земскихъ соборовъ; быстро и незамѣтно для самихъ современниковъ переходятъ они изъ категоріи живыхъ явленій въ область историческихъ воспоминаній.

Земскимъ соборамъ посчастливилось въ русской исторической наукѣ; ими много интересовались; ихъ много и основательно изучали. Нельзя, однако, сказать, чтобы мнѣнія ученыхъ о значеніи этого учрежденія въ русской исторіи были согласны.

Одни видѣли въ земскихъ соборахъ древней Руси «силу мнѣнія» земли, почти идеальное учрежденіе, палладіумъ до-петровской старины, исчезнувшій съ наступленіемъ исказившей Русь дѣятельности преобразователя *); другіе видѣли въ соборахъ естественное завершеніе процесса собиранія русской земли **). Были, наоборотъ, высказываемы мнѣнія совершенно противоположнаго характера, отрицавшія почти вовсе значеніе земскихъ соборовъ: «При русскомъ общественномъ строѣ,—говоритъ одинъ изъ изслѣдователей,

*) Аксаковъ: „Сочиненія“, т. I.

**) Бѣляевъ: „Земскіе соборы на Руси“, изд. 2-ое,

держащихся такого мнѣнія,—при громадномъ развитіи самодержавной власти, при крѣпостномъ состояніи населенія земскіе соборы должны были имѣть несравненно меньшее значеніе, нежели подобныя собранія на Западѣ. Если мы сравнимъ ихъ даже съ французскими генеральными штатами, которые изъ западно-европейскихъ учрежденій имѣли наименьшую силу, то они покажутся намъ крайне скудными и безцвѣтными. За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда земля по пресѣченіи династіи Рюрика призывалась къ выбору новыхъ государей, на земскихъ соборахъ нѣтъ и помину о политическихъ правахъ. Еще менѣе допускается ихъ вмѣшательство въ государственное управленіе... Земскіе соборы никогда не могли сдѣлаться существеннымъ элементомъ народной жизни» *).

Въ мою задачу настоящаго очерка не входитъ оцѣнка столь различныхъ, столь рѣзко противорѣчащихъ одно другому мнѣній; достаточно только замѣтить, что какъ бы ни думали о значеніи земскихъ соборовъ въ русской исторіи, они уже потому всегда будутъ замѣтнымъ явленіемъ, что при всѣхъ своихъ недостаткахъ остаются до сихъ поръ послѣднимъ словомъ того, что могъ самостоятельно создать русскій народъ въ области народнаго представительства.

Внезапное, неожиданное даже нѣсколько, появленіе русскаго представительнаго органа при Иванѣ Грозномъ, его развитіе и процвѣтаніе въ то самое время, когда усиливалась власть самодержавнаго государя, достаточно оправдываютъ живой интересъ, съ какимъ русская историческая наука отнеслась къ вопросу о происхожденіи земскихъ соборовъ. Это обстоятельство не безъ вины, вѣроятно, въ томъ, что согласія и единства въ объясненіяхъ происхожденія соборовъ можно найти немногимъ болѣе, нежели въ оцѣнкѣ ихъ значенія.

Много было потрачено краснорѣчія и таланта, чтобы связать соборы съ древнимъ вѣчемъ: «До московскаго періода при множествѣ отдѣльныхъ княжествъ мы безпрестанно видимъ вѣча, видимъ сильный элементъ совѣщательный. Что же сталось съ этимъ элементомъ? Древнія областныя вѣча преобразились при единодержавіи въ земскій соборъ всей Россіи,—явленіе, уже имѣющее одну только нравственную силу мнѣнія, къ которой обращалось правительство, какъ къ самой надежной и вѣрной опорѣ» **). «Но можно ли сближать между собой явленія, между которыми нѣтъ никакой связи, которыя отдѣлены другъ отъ друга вѣками?» Такъ говоритъ ученый ***), не согласный съ изложеннымъ только-что взглядомъ, и

*) Чичеринъ: „О народномъ представительствѣ“, изд. 1-ое, 363,—4.

**) Аксаковъ, op. cit.

***) Соловьевъ: „Шлецеръ и анти-историческое направленіе“.

нельзя не отдать должнаго этому недовѣрчиво-ироническому вопросу.

Не менѣе усилій употребляли *), чтобы объяснить происхожденіе земскихъ соборовъ перипетіями борьбы царя Ивана съ боярами: «Созваніе выборныхъ на Красную площадь не было явленіемъ случайнымъ: это явленіе вытекало естественно и необходимо изъ отношеній царя къ дружинѣ, изъ естественнаго стремленія найти себѣ опору противъ *заподозрѣнной дружины*. Какъ несправедливо приписывать усиленіе выборнаго начала въ областномъ управленіи борьбѣ Іоанна съ дружиной, ибо это усиленіе началось прежде Іоанна вслѣдствіе ясно высказавшихся государственныхъ потребностей, точно также несправедливо приписывать созваніе выборныхъ чему-либо иному, а не этой борьбѣ». Предоставимъ и здѣсь слово противнику приведеннаго взгляда: «Мнѣніе, будто первый соборъ былъ созванъ царемъ для борьбы съ боярами, противъ которыхъ Грозный искалъ опоры въ народѣ, не подтверждается историческими свидѣтельствами. Напротивъ, именно въ 1550 году царь менѣе всего могъ думать о борьбѣ съ боярствомъ. Къ тому времени при посредничествѣ митрополита Макарія и Сильвестра онъ сблизился съ лучшими людьми изъ боярства и составилъ изъ нихъ кругъ совѣтниковъ и сотрудниковъ, которые помогали ему въ его смѣлыхъ внѣшнихъ и внутреннихъ предпріятіяхъ» **).

Итакъ, ни преемственность древне-русскихъ обычаевъ, ни крупнѣйшее явленіе политической исторіи XVI вѣка,—борьба царя съ боярами,—не могли вызвать къ жизни земскихъ соборовъ. Нельзя считать удовлетворительными и отвлеченныя объясненія происхожденія соборовъ, вродѣ, напримѣръ, того, что съ объединеніемъ Руси Москвой возникла потребность въ общемъ органѣ для всей Русской земли, при помощи котораго она могла бы заявлять о своихъ нуждахъ и желаніяхъ передъ общей верховной властью ***). Причинъ происхожденія русскаго представительнаго органа приходится искать въ другихъ условіяхъ. Наблюденія надъ земскими соборами царствованія Ивана IV помогаютъ разобраться въ этомъ дѣлѣ.

II.

На двадцатомъ году своей жизни, въ 1550 году, царь Иванъ послѣ совѣщаній съ «отцомъ своимъ, Макаріемъ митрополитомъ», какъ прекратить крамолы и уничтожить неправды, велѣлъ созвать

*) Соловьевъ, ibid.

**) Ключевскій. „Русск. Мысль“ 1890 г., № 1, 150.

***) Бѣляевъ, op. cit., 9.

со всего государства изъ городовъ «всякаго чина». Въ одинъ воскресный день, послѣ того какъ всѣ собрались въ Москву, царь торжественно вышелъ съ крестнымъ ходомъ на Лобное мѣсто и послѣ молебна началъ рѣчь, обращаясь въ лицѣ митрополита ко всему собравшемуся на площади народу. Царь просилъ митрополита стать его помощникомъ въ исправленіи земли («Ты знаешь, владыко,—говорилъ онъ,—что я остался послѣ отца моего четырехъ лѣтъ, а послѣ матери—восьми; бояре и вельможи обо мнѣ не радѣли, неправедные лихоимцы и хищники, они властвовали и творили неправедный судъ. Люди Божіи, дарованные намъ Богомъ,—продолжалъ царь, обращаясь прямо къ народу,—молю васъ, простите вражды и тяжбы свои другъ къ другу. На будущее время я буду вашимъ судьей и защитникомъ». Самъ Иванъ также отпустилъ боярамъ вины ихъ передъ государемъ и назначилъ имъ срокъ для примиренія со всѣми тѣми, которые отъ нихъ пострадали.

Это все, что мы знаемъ о первомъ соборѣ; въ сущности, то, что намъ извѣстно, касается даже не его дѣятельности, а только одного поступка молодого царя во время засѣданій собора. Царь говоритъ въ торжественной обстановкѣ съ народомъ московскимъ и съ представителями провинціи, собравшимися на совѣщаніе о томъ, какъ искоренить на Руси неправды и безпорядки. Вотъ эта общая цѣль собора,—устроить землю послѣ тяжелыхъ годовъ малолѣтства царя,—да торжественная обстановка, въ которой протекала его дѣятельность, единственныя вполнѣ достовѣрныя о немъ свѣдѣнія, которыя историкъ въ правѣ отмѣтить и подчеркнуть.

Второй соборъ былъ созванъ въ 1566 году. Первые годы ливонской войны были удачны; подъ власть московскаго государя перешли Полоцкъ, Юрьевъ и другіе города. Но война затягивалась и требовала все новаго напряженія. Переговоры о мирѣ, завязывавшіеся между враждующими сторонами, были не разъ доводимы почти до конца, но дѣло расходилось за невозможностью достигнуть полнаго соглашенія. Въ 1566 году король Сигизмундъ-Августъ уступалъ Ивану Полоцкъ и всѣ занятые Москвой города; но Иванъ, который началъ борьбу, чтобы добыть балтійское побережье, не соглашался на такія, казалось бы, льготныя условія, потому что это значило бы утвердить окончательную уступку королю ливонскихъ городовъ—Риги, Вендена, Вольмара и другихъ, взятыхъ тѣмъ подъ защиту отъ Москвы. Въ недоумѣніи передъ возможностью получить очень многое, но лишиться вмѣстѣ съ тѣмъ морского берега, для котораго была задумана и начата война, Иванъ созвалъ представителей земли.

Отъ собора 1566 года сохранилась до насъ приговорная гра-

мота, соборное постановленіе, знакомящее и съ составомъ собора, и съ характеромъ высказанныхъ на немъ мнѣній.

На соборѣ присутствовали 374 лица. Въ приговорной грамотѣ сохранились слѣды группъ, на которыя распадались эти лица въ своихъ совѣщаніяхъ: грамота представляетъ не болѣе, какъ механическое соединеніе мнѣній, поданныхъ 8 группами членовъ собора.

Первую группу составляло духовенство; въ нее входили 9 архіереевъ, 14 настоятелей важнѣйшихъ московскихъ и провинціальныхъ монастырей, митрополичіе казначей и ризничій, келарь Іосифова монастыря и шесть монаховъ изъ монастырей московскаго Данилова, Іосифова и Кириллова Бѣлозерскаго. Вторую группу составляли 29 бояръ и другихъ думныхъ чиновъ, а также 6 дьяковъ, въ которыхъ, по положенію въ одной группѣ съ боярами, а также и по нѣкоторымъ именамъ (напримѣръ, между ними былъ знаменитый Андрей Щелкаловъ), слѣдуетъ признать *дьяковъ думныхъ*. Третья и четвертая группы состояли изъ 97 дворянъ 1-ой статьи и 99 дворянъ 2-ой статьи; пятая—изъ 3 торопецкихъ помѣщиковъ, шестая—изъ 6 помѣщиковъ Великихъ Лукъ; въ седьмой были 33 дьяка и приказныхъ, среди которыхъ встрѣчаются имена извѣстныхъ впослѣдствіи дѣльцовъ Василія Щелкалова и Шерефединова; наконецъ, послѣднюю группу составляли 75 человѣкъ московскихъ гостей и купцовъ, и гостей Смольнянъ.

Значеніе первыхъ двухъ группъ, а также седьмой, достаточно ясно. Духовныя лица, засѣдавшія на соборѣ, это—«освященный соборъ», состоявшій изъ представителей церковной іерархіи и высшаго столичнаго духовенства, къ которымъ присоединялись настоятели важнѣйшихъ провинціальныхъ монастырей, какъ, напримѣръ, Кириллова Бѣлозерскаго, новгородскихъ Антоніева и Юрьева, Іосифова Волоколамскаго и т. п. Освященный соборъ не разъ созывался великими князьями, предшественниками Ивана, для церковныхъ дѣлъ; къ голосу его прислушивались и въ дѣлахъ свѣтскихъ, и несомнѣнно, что онъ участвовалъ уже въ первомъ соборѣ 1550 года.

Не слѣдуетъ смущаться присутствіемъ среди этой группы шести простыхъ монаховъ. Этими монахами были—*бывшій игуменъ* Данилова монастыря и члены братіи двухъ монастырей, особенно близкихъ правительственнымъ сферамъ того времени—Кириллова, куда ѣзжалъ на богомолье самъ Иванъ, и Іосифова, откуда въ теченіе протекшаго передъ соборомъ 1566 года полустолѣтія выходили русскіе митрополиты.

Вторая группа—боярская дума въ полномъ ея составѣ *), на-

*) Точно въ этой группѣ насчитывалось 16 бояръ, 3 окольничихъ, 3 казначея, 1 печатникъ и 6 дьяковъ; в. к. Василій оставилъ своему сыну 23 думныхъ совѣтни-

чиная со старшихъ членовъ, кончая дѣлопроизводителями—думными дьяками. Къ думѣ примыкаютъ и другіе, болѣе мелкіе представители московскаго правительственнаго класса—приказные люди, составляющіе седьмую группу. Это были важные, хотя въ обыденной жизни мало замѣтные двигатели государственнаго механизма; но въ ту минуту, когда верховной власти нужно было знать мнѣніе всѣхъ людей, понимающихъ значеніе переживаемыхъ событій, она, на ряду съ боярами, членами думы и начальниками приказовъ, призывала и лучшихъ приказныхъ дѣльцовъ, совѣтовалась и съ этими не очень блестящими, но часто наиболѣе свѣдущими изъ своихъ агентовъ. Коротко сказать, въ лицѣ второй и седьмой группъ засѣдало на соборѣ само «*московское царское правительство*».

Дворяне первой и второй статей, помѣщики Торопчане и помѣщики Луцкіе, могутъ быть соединены въ одну общую группу, такъ какъ всѣ они въ совокупности представляютъ служилый классъ.

Если значеніе и присутствіе на соборѣ пограничныхъ торопецкихъ и луцкихъ помѣщиковъ само по себѣ ясно, то нельзя того же сказать о дворянахъ первой и второй статей. Для объясненія состава и значенія этихъ двухъ группъ понадобилось много труда, много тонкой работы надъ источниками *).

Въ 1550 году царь съ боярами приговорили набрать изъ разныхъ уѣздовъ государства 1000 лучшихъ служилыхъ людей и перевести ихъ на службу въ Москву, раздавъ имъ помѣстья въ разстояніи не болѣе 70 верстъ отъ столицы. Служилые люди, которые по этому закону перешли въ Москву, были раздѣлены на три статьи по размѣрамъ своихъ помѣстныхъ окладовъ. Сохранился подъ именемъ «тысячной книги» и списокъ этихъ служилыхъ людей, помѣщенныхъ такимъ образомъ вблизи столицы, съ обозначеніемъ уѣздовъ, изъ которыхъ они были переведены.

Сравненіе этого списка съ именами дворянъ первой и второй статей, бывшихъ на соборѣ 1566 г., показало, что очень многіе изъ дворянъ, выбранныхъ въ 1550 году для столичной службы, участвовали на соборѣ; есть случаи также, когда среди членовъ собора обозначены сыновья лицъ, записанныхъ въ тысячную книгу.

Опираясь на данныя послѣдней, оказалось возможнымъ опредѣлить происхожденіе 101 дворянскаго представителя на соборѣ 1566 года, а прибавивъ сюда 9 человѣкъ изъ Лукъ и Торопца,

---

ка; царь Борисъ началъ царствовать съ 45 думцами (Ключевскій: „Боярская Дума“, изд. 1-е, 290); цифра 29 думцевъ 1566 г.—подходящая по времени промежуточная цифра между данными 1533 и 1598 годовъ.

*) Ключевскій: „Составъ представительства на земскихъ соборахъ“. „Р. Мысль“ 1890 г., 1; 91, 1; 92, 1.

даже 110 изъ общаго количества 205 представителей служилаго класса. Эти 110 человѣкъ принадлежали по происхожденію къ 38 уѣздамъ, причемъ даже изъ неполныхъ данныхъ, какими мы располагаемъ, видно, что на соборѣ имѣли своихъ представителей всѣ западные пограничные уѣзды.

Такимъ образомъ было доказано, что провинціальное дворянство было представлено не выборными изъ своей среды, а столичными служилыми людьми, которые только по происхожденію своему принадлежали къ мѣстнымъ обществамъ. Это относится даже къ отдѣльнымъ группамъ дворянъ Торопца и Великихъ Лукъ: имена нѣкоторыхъ изъ нихъ, находимыя въ тысячной книгѣ, выдаютъ ихъ принадлежность къ столичному дворянству; но эти имена всѣ принадлежатъ къ третьей статьѣ тысячной книгѣ—вотъ чѣмъ объясняется обстоятельство, почему на соборѣ 1566 года представители дворянъ двухъ пограничныхъ уѣздовъ не могли быть слиты въ одно цѣлое съ дворянами первыхъ двухъ статей.

Какъ ни богата Московская Русь разными неожиданностями въ области государственныхъ и общественныхъ отношеній, однако, оригинальное представительство, подобное описанному, возможно только въ томъ случаѣ, если между провинціальными дворянами и ихъ бывшими товарищами, повысившимися по службѣ, продолжала сохраняться какая-нибудь связь. Такая связь дѣйствительно сохранялась: выборные провинціальные чины, переводимые на службу въ столицу, нерѣдко назначались начальниками дворянскихъ ополченій тѣхъ самыхъ мѣстъ, откуда они происходили и гдѣ очень часто продолжали владѣть помѣстьями и вотчинами. Именно такихъ начальниковъ, назначаемыхъ правительствомъ отвѣтственныхъ руководителей уѣздныхъ дворянскихъ обществъ, мы и видимъ на соборѣ 1566 года. Но кромѣ нихъ среди 196 дворянъ 1 и 2 статей были и собственно московскіе служилые люди. Столичные служилые люди были постояннымъ кадромъ, изъ котораго назначались воеводы пограничныхъ городовъ и начальники военныхъ отрядовъ: нѣкоторые представители этого кадра, выбранные, вѣроятно, за порукой всего столичнаго дворянства, присутствовали на соборѣ, какъ эксперты, какъ свѣдущіе люди, мнѣніе которыхъ въ вопросѣ о продолженіи войны или заключеніи мира могло имѣть вѣсъ въ глазахъ правительства.

Подводя итогъ всему сказанному о дворянскомъ представительствѣ 1566 года, нетрудно замѣтить, что это были не депутаты служилыхъ сословій, а такіе же, въ сущности, отвѣтственные агенты правительства, какими были и чины московскаго центральнаго управленія.

Остается еще разсмотрѣть послѣднюю группу членовъ собора 1566 года. Представители городского класса состояли изъ 12 гостей, 41 московскихъ торговыхъ людей и 22 гостей Смольнянъ. XVI столѣтіе—эпоха, когда многія явленія русской государственной и общественной жизни растутъ и развиваются, чтобы позднѣе, при первыхъ царяхъ новой династіи, получить ясныя и опредѣленныя очертанія. Московскіе гости XVI столѣтія были не только купцами, но и обязательными контрагентами правительства по части всякаго рода финансовыхъ службъ и порученій, напримѣръ, вѣрной службы или торговли заповѣдными товарами. Такой же характеръ имѣли и купцы «гостиной» и «суконной» сотенъ, слѣдовавшіе за «гостями» въ московской посадской іерархіи. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что высшее столичное купечество уже несло тѣ же обязанности и при царѣ Иванѣ. Сопоставленіе городского представительства 1566 года съ такимъ же на соборѣ 1598 года, гдѣ на ряду съ гостями упоминаются купцы гостиной и суконной сотенъ, подкрѣпляетъ мысль, что «московскіе торговые люди» соотвѣтствуютъ позднѣйшимъ гостиной и суконной сотнямъ, а сравненіе этого представительства съ дворянскимъ на соборѣ 1566 г. приводитъ къ окончательному выводу, что горожане на этомъ соборѣ были не иные кто, какъ финансовые агенты царскаго правительства.

Но кто же были купцы Смольняне, составившіе одно изъ подраздѣленій группы городскихъ представителей? Само по себѣ присутствіе горожанъ важнѣйшаго изъ городовъ по западной границѣ не могло бы возбуждать никакихъ сомнѣній, если бы на ряду со Смольнянами было замѣтно присутствіе купцовъ изъ другихъ, можетъ быть, еще болѣе важныхъ пограничныхъ городовъ—Пскова и Новгорода. Одностороннее извѣстіе о Смольнянахъ подало поводъ къ остроумной гипотезѣ, высказанной въ нашей литературѣ тѣмъ же изслѣдователемъ, который впервые установилъ составъ представителей первыхъ земскихъ соборовъ. По этой гипотезѣ, скрѣпляемой детальнымъ изученіемъ именъ городскихъ представителей 1566 и 1598 годовъ, подъ купцами Смольнянами слѣдуетъ разумѣть не жителей города Смоленска, а особенную группу московскихъ торговыхъ людей, которые назывались «Смольнянами», потому что вели торговлю со Смоленскомъ и Литвой, подобно тому, какъ московскіе купцы, ведшіе южную торговлю черезъ Судакъ—Сурожъ, назывались «гостями Сурожанами».

Впрочемъ, кто бы ни были Смольняне на соборѣ 1566 года, группа изъ 22 человѣкъ не можетъ измѣнить общаго характера представительства этого собора, который совершенно ясно рисуется, какъ торжественное совѣщаніе царскаго правительства съ

освященнымъ соборомъ и съ разнаго рода свѣдущими людьми,—руководителями провинціальнаго дворянства, военачальниками изъ столичныхъ служилыхъ людей и финансовыми агентами изъ высшихъ слоевъ купечества, — получавшими обыкновенно внѣ собора различныя отвѣтственныя порученія отъ правительства.

Что это было такъ, показываютъ и мнѣнія, поданныя на этомъ соборѣ. «Во всемъ вѣдаетъ Богъ да государь нашъ», «мы, холопы государевы, для его дѣла готовы»,—вотъ рѣчи, которыя слышатся среди членовъ собора. Это не рѣчи выборныхъ отъ народа, обязанныхъ стоять за интересы пославшаго ихъ общества. Это мнѣнія служащихъ, которыхъ хозяинъ приглашаетъ высказаться, но которые отлично знаютъ, что ихъ слова могутъ и не подѣйствовать на хозяина, если только тотъ твердо рѣшилъ дѣйствовать по-своему.

III.

Освященный соборъ, правительство и его столичные и мѣстные агенты, свѣдущіе въ томъ вопросѣ, который представляется на обсужденіе,—вотъ, слѣдовательно, та первичная форма, въ которой появились земскіе соборы на Руси.

Въ вопросѣ о происхожденіи ихъ слѣдуетъ тщательно разграничивать два порядка явленій: во-первыхъ, причины, вызвавшія къ жизни совѣщанія правительства съ его агентами; во-вторыхъ, причины, сообщившія этимъ совѣщаніямъ тотъ особенный торжественный церемоніалъ, который сдѣлался отличительной чертой земскихъ соборовъ.

Оглядываясь на историческую обстановку, среди которой создаются земскіе соборы, нельзя не обратить вниманія на хронологическую связь ихъ съ выборными земскими учрежденіями, появившимися на Руси около того же времени. Въ 1539 году были даны первыя губныя грамоты, по которымъ населеніе Бѣлоозера и Каргополя получило право выбрать изъ своей среды особаго губного старосту для сыска дѣлъ объ убійствѣ. Въ 1552 году, два года спустя послѣ того какъ въ Москвѣ засѣдалъ первый соборъ, издается первая земская уставная грамота, разрѣшающая Важскому, Шенкурскому и Вельскому уѣздамъ избрать 10 излюбленныхъ головъ, которымъ должны быть поручены полицейскій надзоръ, судъ и сборъ податей. Еще нѣсколько позднѣе, по думному приговору 20 сентября 1555 года, дана была возможность для всѣхъ тяглыхъ общинъ ввести у себя выборное земское самоуправленіе взамѣнъ стариннаго намѣстничьяго кормленія.

Земское самоуправленіе и земскіе соборы возникаютъ одновре-

менно. Это совпаденіе будитъ вниманіе изслѣдователя и заставляетъ его искать болѣе глубокой внутренней связи между тѣмъ и другимъ.

Въ первыхъ земскихъ соборахъ правительство призывало своихъ отвѣтственныхъ столичныхъ и провинціальныхъ агентовъ, имѣвшихъ связь съ земскимъ населеніемъ въ качествѣ его назначенныхъ или выборныхъ руководителей, на совѣщаніе по экстреннымъ дѣламъ, выбирая главнымъ образомъ тѣхъ изъ нихъ, которые казались свѣдущими по вопросамъ, подлежавшимъ соборному обсужденію. Поручая веденіе мѣстныхъ дѣлъ суда и управленія выборнымъ земцамъ, правительство смотрѣло на нихъ также, какъ на своихъ отвѣтственныхъ агентовъ: за недоборъ податей на выборныхъ головахъ доправлялось ихъ вдвое; въ каждой грамотѣ за нарушеніе обязанностей имъ грозили казнью и конфискаціей имущества; за исправность своихъ выборныхъ отвѣчало круговой порукой все мѣстное общество. И въ подачѣ совѣта на земскихъ соборахъ, и въ земскомъ самоуправленіи былъ болѣе замѣтенъ элементъ должности и отвѣтственной обязанности, чѣмъ элементъ свободы и права. Хотя въ соборномъ представительствѣ этотъ элементъ отчетливѣе выступаетъ, нежели въ выборныхъ земскихъ властяхъ, но, несмотря на это, нельзя отрицать, что и земскіе соборы, и земскія учрежденія — явленія одного порядка: и тѣ, и другія—характерныя черты особой системы управленія государствомъ, выработавшейся около половины XVI столѣтія и заключавшейся въ совмѣстной правительственной дѣятельности центральной власти *съ полувыборными, полудолжностными* представителями населенія.

Общія причины, подъ вліяніемъ которыхъ выработалась именно такая система, были уже давно указаны: «юная власть при такой громадной задачѣ, какъ устройство обширнаго государства, не могла обойтись безъ содѣйствія общественныхъ силъ. Это требованіе было тѣмъ существеннѣе, чѣмъ менѣе государство, едва начинающее устроиваться, могло располагать собственными средствами, чѣмъ менѣе правительство имѣло достовѣрныхъ свѣдѣній о состояніи, потребностяхъ и силахъ народа, чѣмъ менѣе оно могло разсчитывать на точное и вѣрное исполненіе своихъ предначертаній. На одно высшее боярство, которое заняло въ обществѣ первое мѣсто, нельзя было положиться. Оно болѣе всѣхъ другихъ сословій имѣло свои личные виды, болѣе всѣхъ скорбѣло объ утраченной независимости и тайными кознями и явными крамолами старалось обратить государственныя силы въ свою пользу. Малолѣтство Ивана Грознаго служитъ тому разительнымъ доказательствомъ. Поэтому московскіе государи старались опереться на содѣйствіе земли» *).

*) Чичеринъ, op. cit., 362.

Первые земскіе соборы и были однимъ изъ видовъ «содѣйствія всей земли» государямъ, когда это содѣйствіе понадобилось для сложной созидательной работы надъ молодымъ Московскимъ государствомъ, не успѣвшимъ еще вполнѣ сложиться и уже разстроеннымъ отъ неурядицъ въ малолѣтство Ивана.

Отчего же не исчезаетъ впечатлѣніе неожиданности, отъ котораго нельзя отдѣлаться, говоря о возникновеніи земскихъ соборовъ? Такое впечатлѣніе не было чуждо изслѣдователямъ исторіи этого учрежденія: имъ объясняется желаніе сблизить соборы съ болѣе ранней эпохой, найти для нихъ аналогіи въ обычаяхъ и учрежденіяхъ удѣльной Руси. Выше была отмѣчена малосостоятельная гипотеза о непосредственномъ происхожденіи земскихъ соборовъ отъ древнерусскаго вѣча. Была высказываема и другая мысль о томъ, будто земскіе соборы могутъ стоять въ преемственной связи съ обычаемъ князей совѣщаться о важнѣйшихъ вопросахъ съ полнымъ кругомъ своихъ совѣтниковъ—боярами, рядовыми дружинниками и городовой старшиной. Найти и установить прямую связь между этими старыми, уже отжившими въ XVI вѣкѣ явленіями и земскими соборами оказалось невозможнымъ. Между ними не только нѣтъ прямой преемственности, но лежитъ даже значительный хронологическій промежутокъ. Однако, не требуется большого напряженія мысли для убѣжденія въ томъ, что въ функціяхъ тѣхъ и другихъ учрежденій есть кое-что общее.

Въ удѣльные вѣка и въ еще болѣе раннія времена участіе различныхъ общественныхъ элементовъ въ правительственной дѣятельности достигалось посредствомъ вѣча и совѣщаній князей-государей съ дружиной и старшинами городовъ и земщины. Тѣ же задачи стали въ XVI вѣкѣ выполнять земскіе соборы.

Потребность правительственной власти и общества въ совмѣстной дѣятельности была исконнымъ, живымъ явленіемъ на Руси. Но старыя формы, выработанныя Русью кіевской и перешедшія въ Русь удѣльную, перестали удовлетворять условіямъ времени, когда среди удѣльныхъ княжествъ сѣверо-восточной Руси началъ завязываться узелъ Московскаго государства.

Первыми прекратились совѣщанія князей со всей дружиной. «Вольные слуги» исчезли; остался только высшій слой княжихъ совѣтниковъ; боярская дума приняла постепенно характеръ высшаго правительственнаго совѣта, гдѣ при Иванѣ III и Василіи свили себѣ гнѣздо оппозиціонныя теченія. Вѣчевые порядки, остававшіеся живымъ фактомъ, пока сохранялась самостоятельная политическая жизнь сѣверно-русскихъ общинъ, позднѣе получили въ глазахъ московскихъ дѣятелей почти революціонный характеръ. Къ концу

перваго десятилѣтія XVI вѣка старыя формы общенія между княземъ и населеніемъ исчезаютъ совсѣмъ, причемъ въ московскихъ правительственныхъ кружкахъ о нихъ хранятъ дурную память, видятъ въ нихъ что-то кореннымъ образомъ противорѣчащее новымъ чертамъ власти московскихъ государей.

Въ теченіе трехъ десятилѣтій, почти цѣликомъ занятыхъ правленіемъ Василія, который даже иностранцевъ поражалъ своимъ властнымъ обликомъ, ничего не слышно о «содѣйствіи земли» своему государю. Этотъ пробѣлъ и создаетъ уже указанное впечатлѣніе, нераздѣльное съ мыслью о происхожденіи земскихъ соборовъ.

Однако, идея содѣйствія земли правительству не умерла въ княженіе Ивана III и Василія; она лишь замерла до тѣхъ поръ, пока жизненная практика не указала для нея новой формы. Этой новой формой, которая настолько разнится отъ старыхъ, что мы не хотимъ признать прямой между ними связи, была передача обязанностей по мѣстному управленію земщинѣ и участіе послѣдней въ центральномъ управленіи черезъ посредство земскихъ соборовъ въ ихъ оригинальной первичной формѣ.

Что мысль объ участіи земли въ управленіи государствомъ не только не исчезла, но даже развивалась въ первую половину XVI вѣка, показываютъ тѣ немногіе, къ сожалѣнію, отголоски политическихъ мнѣній людей того времени, какіе до насъ сохранились. Опальный совѣтникъ великаго князя Василія, Берсень Беклемишевъ, ропщетъ на государя, который «пришелся немилостивъ», «встрѣчи не любитъ» и «опаляется», когда слышитъ несогласное мнѣніе, но, негодуя на ненавистные ему порядки, Берсень еще не видитъ средствъ ихъ исправить и просто бранитъ Софію Палеологъ и грековъ, по винѣ которыхъ «русская земля замѣшалась». Современнику перваго земскаго собора, анонимному автору «Бесѣды Валаамскихъ Чудотворцевъ», уже ясно рисуется «вселенскій совѣтъ», *по-годно* собираемый государемъ. Послѣдняя черта указываетъ даже, что въ моментъ возникновенія русскаго представительнаго учрежденія лучшіе умы, мечтая о ежегодномъ созывѣ собора, далеко опережали дѣйствительность. Говоря объ идейной подготовкѣ земскихъ соборовъ, нѣтъ никакой нужды упоминать о Курбскомъ; напротивъ, было бы осторожнѣе вовсе обойти его молчаніемъ; помимо того, что онъ писалъ позднѣе, когда даже второй соборъ успѣлъ стать историческимъ фактомъ, Курбскій писалъ, потерявъ связь съ московской дѣйствительностью, и, выступая противъ нея во имя искаженной старины, иногда, быть можетъ, вдохновлялся политическимъ строемъ пріютившей его Литвы.

Торжественная обстановка, которой окружены были земскіе

соборы съ самаго начала, имѣетъ другое происхожденіе. Этой торжественности нельзя объяснить ни взаимными отношеніями государя и общества, ни какими-либо условіями историческаго момента.

Чтобы объяснить эту типическую черту земскихъ соборовъ, слѣдуетъ припомнить, кто былъ, по свидѣтельству источниковъ, иниціаторомъ созыва перваго собора 1550 года. Лѣтопись прямо указываетъ на митрополита Макарія, и даже тѣ скудныя свѣдѣнія, какими мы располагаемъ относительно дѣятельности перваго собора, даютъ возможность видѣть, что митрополиту и высшему духовенству дѣйствительно принадлежала на немъ выдающаяся роль. Какъ извѣстно, освященный соборъ присутствовалъ и на второмъ соборѣ царя Ивана; участвовалъ онъ и на всѣхъ позднѣйшихъ соборахъ. Вѣроятно, именно членамъ освященнаго собора съ митрополитомъ Макаріемъ во главѣ принадлежитъ установленіе внѣшнихъ порядковъ собора, его церемоніальной стороны. Въ церковной средѣ нашлись готовые образцы, которыми можно было воспользоваться для поднятія внѣшняго престижа впервые созываемыхъ, еще не бывалыхъ въ московскомъ правительственномъ обиходѣ земскихъ соборовъ. Образцы эти были подходящими и удобными во всѣхъ отношеніяхъ: они были достаточно привычны, вполнѣ современны и въ то же время не были запятнаны въ воззрѣніяхъ московскихъ правящихъ сферъ ни оппозиціонной, ни тѣмъ болѣе революціонной репутаціей.

Такими готовыми образцами были *церковные соборы*, возникновеніе которыхъ относится къ эпохѣ введенія христіанства на Руси. Столѣтіе, протекшее передъ созывомъ перваго земскаго собора, было особенно богато ими: достаточно припомнить соборы противъ жидовствующихъ или соборы, на которыхъ яркимъ пламенемъ разгоралась непримиримая вражда между послѣдователями заволжскихъ старцевъ и учениками Іосифа Волоцкаго. Съ достаточной долей вѣроятія можно также сказать, что уже въ эпоху созыва перваго земскаго собора заходила рѣчь объ особомъ церковномъ соборѣ, который и былъ собранъ въ слѣдующемъ 1551 году. Подсказанная митрополитомъ Макаріемъ торжественная, почти церковная, обстановка новаго учрежденія понравилась всегда любившему пышность царю Ивану и навсегда укоренилась на земскихъ соборахъ.

Если на земскіе соборы смотрѣть, какъ на особую своеобразную форму содѣйствія земли верховной власти, явившуюся, подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ, на смѣну прежнимъ, уже отжившимъ, то кажущееся противорѣчіе между ростомъ неограни-

ченной власти государя и одновременнымъ существованіемъ представительнаго органа исчезаетъ. Земскіе соборы, въ ихъ первичной, по крайней мѣрѣ, формѣ, были именно тѣмъ видомъ «содѣйствія земли», который подходилъ для измѣнившихся въ XV—XVI вѣкахъ государственныхъ порядковъ Руси.

Мѣнявшіяся историческія условія и позднѣе направляли исторію земскихъ соборовъ. Не разъ послѣ пресѣченія Рюриковичей возникавшій вопросъ о замѣщеніи царскаго престола придавалъ имъ—на короткіе, правда, моменты — державшую власть. Тяжелое наслѣдіе смуты сообщило имъ особенно важное значеніе въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Съ начала XVII вѣка земскіе соборы получаютъ обликъ представительнаго органа, въ болѣе близкомъ для насъ смыслѣ этого понятія: въ нихъ засѣдаютъ не правительственные только агенты, а дѣйствительные депутаты мѣстныхъ обществъ. Позже наступили новыя измѣненія: если уже великій князь Василій Ивановичъ властью своей надъ подданными превосходилъ, какъ говоритъ Герберштейнъ, всѣхъ монарховъ міра, то еще съ бо́льшимъ правомъ можно это сказать о русскомъ государѣ XVII вѣка. Наступившій послѣ смутнаго времени новый ростъ русской верховной власти, сопровождавшійся упадкомъ всѣхъ общественныхъ элементовъ, сказался и на земскихъ соборахъ: формы содѣйствія земли правительству, возникшія въ XVI вѣкѣ, перестали удовлетворять условіямъ времени, устарѣли и замерли, какъ замерли нѣкогда вѣча и совѣщанія князей съ дружинниками, и снова, какъ въ княженіе Ивана III и Василія, правительство перестало обращаться къ отжившему и ненужному болѣе средству общенія съ землей.

Ю. Готье.

БИБЛИОТЕКА
АКАДЕМИЙ